

Кара-Мурза С.Г.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА: ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ИЛИ ИНСЦЕНИРОВКА ПОЛИТТЕХНОЛОГОВ?

FEBRUARY REVOLUTION AND PERESTROIKA: GENETIC LINK OR SHOW OF
POLITICAL TECHNOLOGISTS?

Кара-Мурза Сергей Георгиевич, д. хим. наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, e-mail: skaramur@rambler.ru

Kara-Murza Sergey Georgievich, Doctor of Chemistry, Professor, Senior Research Associate ISPR RAS, e-mail: skaramur@rambler.ru

---

Аннотация: В 2017 г. привлекла внимание Февральская революция, и обсуждение ее материалов неожиданно привело к необычному сходству ее доктрины со структурой целей, средств, логики и организации и подходов «перестройки» 1985-1991 гг. Сравнение двух программ этих революций, напоминает перестройку ремейком фильма 70-ти лет назад. Реформаторы конца XX в. повторяли шаги и заявления либералов и меньшевиков, буржуа и коррумпированных чиновников, западников и националистов. А в завершение — терроризм. Те же жесты и патетика, обещания и ложь, провокации и поддержка Запада. И те же иллюзии, и театральный провал. Если программа Февральской революции была искренней ошибкой, порождающей стремление пойти за буржуазными революциями раннего капитализма, то операция «перестройка» похожа на хорошо отработанную технологию — прототипом «цветных революций» в крупных масштабах. Эта технология массового разрушения требует исследования. Обществоведение сильно отстало, общество и государство не готовы к таким атакам.

Annotation: February Russian revolution attracted much attention in 2017, and during its discussion was revealed the unexpected similarity of its doctrine to the structure, goals, means, logic and organisation of "perestroika" approaches in 1985-1991. Comparison of the programmes of these two revolutions makes perestroika seem like a remake of 70 year old film. Reformers of the end of XX century repeated the steps and claims of liberals and mensheviks, bourgeois and corrupted officials, westerners and nationalists. And in the end —terrorism. The same gestures and pathetic, promises and lies, provocations and support from the West. And the same illusions and theatrical fail. And if the February revolution was the sincere attempt to follow the bourgeois revolution of early capitalism, but operation "perestroika" looks more like well-developed technology — the prototype of "colour revolutions" in greater scale. This technology of massive destruction requires research. Social sciences are far beyond, state and society are not ready for such attacks.

Ключевые слова: Февральская революция, «перестройка», доктрины, аналогии, история, опыт России 1917 г., смены парадигм, устаревшие теории, коалиции революций с заведомым распадом, имитации прошлых систем как исторические ловушки, прототипы «цветных революций», современные технологии разрушения больших государств и культур.

Keywords: February revolution, "perestroika", doctrines, analogy, history, Russian experience of 1917, changes in paradigm, outdated theories, coalitions of revolutions with knowing breaking apart, simulation of past systems as historical traps, prototypes of "colour revolutions", modern technologies of destroying big states and cultures.

Исследователи, обращающиеся к истории отечественного либерализма, неизменно оказываются перед необходимостью объяснить следующий исторический парадокс: почему либеральные партии в России, так быстро набравшие политический вес в годы первой российской революции и фактически сформировавшие Временное правительство в марте 1917 года, уже к концу 1917 года потерпели столь быстрое и сокрушительное поражение? Почему либеральная альтернатива не смогла пробить себе дорогу в ходе революции и Гражданской войны.

Леонтьева О.Б. Проект «Связь времен», <http://gefter.ru/archive/19566>

Введение

Уточним: проект Февральской революции принадлежал не только либералам, а историческому блоку с противоречивой структурой. В этот блок вошли:

- правая партия Союз 17 октября (октябристы, в основном торгово-промышленная буржуазия);
- буржуазно-либеральный Прогрессивный блок;
- Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы — кадеты);
- две социалистические партии: РСДРП (меньшевики) и социалисты-революционеры (эсеры).

Для нас важно понять, почему сегодня часть нашей гуманитарной элиты, использовала доктрины и стереотипы Февральской революции для своей антисоветской революции конца XX века. Это странно потому, что интеллектуалы Февраля заложили в свой проект уже устаревшие теории и образы, что обнаружилось в 1917 г. Почти все они в эмиграции признали неадекватность своих доктрин.

Как получилось, что многие наши марксисты стали адептами учения XIX века, «не заметив» развития знаний и новых систем противоречий? Как они, желая обновить системы СССР, вернулись к образу раннего капитализма? Где были их инновации? Они, вернувшись к истокам, использовали устаревший комплекс идей и разгромили огромную страну, погрузили в бедствие миллионы людей. Ведь эти образованные интеллигенты, вовсе не желавших катастрофы, вдруг утратили навык рефлексии. Множество думающих о будущем людей во всех частях мира ждали от русских объяснения такого самосожжения. Да и все мы замучились, надо же помочь друг другу понять самих себя.

Юбилей революций 1917 г. нас подтолкнул к этому. Начнем с простых шагов. Вот феномен: антисоветская революция в России («революция–1991») опиралась на картину мира XIX века! Ее явные цели и логика были составлены из клише Февральской революции: как это понять? Это инсценировка? Что это было?

М. Горбачев неоднократно предупреждал о катастрофическом характере перестройки как революции. В 1987 г. он дал такое определение: «Перестройка — многозначное, чрезвычайно емкое слово. Ближе всего выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка — это революция... Революция — явление беспримерное. Беспримерной, революционной должна быть и наша повседневная деятельность — такой, как и полагается в революции».

А дальше выступили идеологи и «архитекторы» перестройки. Вот примеры их изречений.

Т.И. Заславская: «Перестройку ... действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) социальной революцией. ... Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет... Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова революция».

Н.П. Шмелев: «Революция сверху отнюдь не легче революции снизу. Успех ее, как и всякой революции, зависит прежде всего от стойкости, решительности революционных сил, их способности сломать сопротивление отживших свое общественных настроений и структур».

Е.Г. Ясин: «По своему значению, по глубине ломки социальных отношений, пронизавших все слои общества, [августовская] революция была для России более существенна и несравненно более плодотворна, чем Октябрьская 1917 года».

Е.Т. Гайдар и В.А. Мау называли эту революцию Великой: «Во-первых, реализовалась в условиях резкого ослабления государства, утраты им власти над экономикой и, во-вторых, прошла «весь цикл, все фазы». Современный процесс преимущественно стихийных социально-экономических преобразований в рамках этой концепции трактуется как естественное последствие революции».

Таким образом, верхушка КПСС готовила не реформу, а слом общественного строя, с разрывом непрерывности.

Представим несколько аналогий: революции – 1991 с Февральской. Это мозаика признаков, мазками, но за ними много материалов, которых до сих пор никто и не думал сравнить массивы двух, казалось бы, разных явлений.

1. Сообщество элит

Февраль. Деятель масонства меньшевик А.Я. Гальпери писал об этой коалиции: «Очень характерной для большинства членов организации была ненависть к трону, к монарху лично за то, что он ведет страну к гибели».

У каждой из партий были разные основания для этой ненависти. Разрушение монархии было средством достичь разные цели. Все эти силы выступили в одном строю потому, что ликвидация монархии и установление буржуазной демократии давали условия для движения к своим целям. Несовместимы октябристы и меньшевики — а стали делать одно дело.

Ясно, что такой союз с разными целями не мог иметь единого проекта, их дело было разрушить государство империи и сразу заняться собственностью. Они и не ставили цели собрать осколки после взрыва и начать строительство.

Во Временном правительстве сложился тандем: кадеты — носители идеалов западной демократии, и предприниматели — люди дела и действия, причем они порвали с прежним поколением русских дельцов. Они отвергли монархию и патерналистские отношения «хозяина» и «работника».

В.П. Рябушинский говорил, что на рубеже XIX-XX вв. в России появился феномен «кающегося купца», испытывавшего раздвоенность души: «Старый идеал «благочестивого богача» кажется наивным: быть богачом неблагочестивым, сухим, жестким, как учит Запад —

душа не принимает». Вместе с тем в России возник тип «западного» капиталиста, чуждого внутренней рефлексии: «Его не мучает вопрос, почему я богат, для чего я богат? Богат — и дело с концом, мое счастье (а для защиты от недовольных есть полиция и войска)».

1991. Г.С. Батыгин указывает на важный факт: «Ни «крестьянские войны» и голод в деревне, ни массовые репрессии, ни низкий уровень жизни не поставили под вопрос существование коммунистического режима. Его крах стал следствием разрушения «социальной теории» и конфликта в дискурсивном сообществе в относительно стабильных политических и экономических обстоятельствах. Он был предуготовлен движением «шестидесятников» и вступил в критическую фазу в период «плюрализма мнений», обозначенного атакой «докторальной публицистики», которая стала играть роль альтернативного мозгового центра страны. Атака исходила от идеологических изданий, в числе которых был и теоретический орган ЦК КПСС журнал «Коммунист». Реформирование «социальной теории» осуществлялось публицистами перестройки путем форсирования моральных требований правды, справедливости, подлинной демократии и свободы».

Директор Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) В.М. Воронков (сам бывший в диссидентстве) пишет о шестидесятниках: «Это поколение, ставшее поставщиком ресурсов для движения протеста, сыграло решающую роль в подготовке революционных изменений в обществе, которые произошли три десятилетия спустя».

Советское сообщество революционеров 1980-х гг. обошлось без масонов, собралось на основе поэзии. Г.С. Батыгин писал: «Формирование сословия советских интеллектуалов в 1960-е годы было сопряжено с изменением стилистики публичного дискурса: люди «болели» стихами... Знание стихов стало своеобразным паролем для доступа в интеллигентский круг. Страсть к стихам породила и первые выступления против власти... Когда власти попытались воспрепятствовать поэтическим сходкам, возникло сопротивление».

2. Отношение к стране как «империи зла» (Российской империи и СССР)

Февраль. Все партии, готовившие Февральскую революцию, имели свое кредо, каждый из которых были в разной степени разработанные. Но был пакт между правыми, либералами и социалистами (даже радикальными), — убрать монархию и учредить либе-

рально-буржуазную систему по западным образцам. Хотя все знали, что население это не примет.

И это было почти общим местом в рассуждениях о советской революции и тогда, и сегодня.

1991. Революционеры—1991 были объединены общей платформой и ощущали себя сообществом. Их соединяло общее прошлое, в ходе которого у них вызрел фанатичный антисоветизм. Необычным было мессианское представление об их роли как разрушителей «империи зла».

Вот статья-манифест А. Ципко с красноречивым названием «Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием» (2000 г.): «Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной — и тем самым антикоммунистической — революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинистское извращение ленинизма и т.д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дождаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир».

Здесь замечательно четко выражено важное и не вполне осознанное в обществе свойство: идейной основой их дискурса была страсть разрушения. Чистый «ленинист» вступал в союз с заклятым врагом марксизма — ради сокрушения советского строя. Были даже такие, для кого главным врагом был военно-промышленный комплекс его собственной страны! Ненависть к стране, в которой эти люди выросли и вошли в элиту образованного слоя, поражает. Ведь эта ненависть неизбежно распространяется и на те старшие поколения, которые эту страну «полуживую вынянчили» и отстояли в тяжелейшей войне.

Сам М.С. Горбачев в своей лекции в Мюнхене 8 марта 1992 г. сказал: «Понимали ли те, кто начал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет?.. Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул». Невиданное в истории дело — верховный правитель державы признается в своей государственной измене!

Советник президента философ А.И. Ракитов радовался: «Самая большая, самая жестокая империя в истории человечества распадается». М.К. Мамардашвили утверждал, что «все пространство Советского Союза — охватившая зона распада общественных связей, социальных связей, т.е. зона отсутствия общества... Я утверждаю, что в 1917 году произошло коллективное самоубийство общества и государственности»

3. Антиэтатизм

Февраль. Антипатии к государственности были устойчивыми установками коалиции. Важным был авторитет Маркса относительно государстве: «Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии... Этот паразитический нарост на гражданском обществе, выдающий себя за его идеального двойника... Все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар».

Эта глава в учении Маркса нанесла тяжелый ущерб русскому революционному движению. Антиэтатизм — мощное орудие для разрушения общества, народа и страны. Как признал тогда А.И. Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть».

Февральская революция нанесла сокрушительный удар по армии — важнейшему институту государства. Символическое событие, бунт 27 февраля учебной команды Волынского полка. Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель выстрелом в спину убил уходящего офицера. Командующий округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов лично наградил фельдфебеля Георгиевским крестом — наградой, которой удостоивали только за личное геройство.

1 марта секретарь ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов адвокат Н.Д. Соколов (социал-демократ, друг Керенского, активный участник революции) подготовил и принес в только что созданное Временное правительство известный «приказ №1». Этот приказ начал разрушение армии. А.И. Верховский (последний военный министр) писал, что «приказ №1» был отпечатан «в девяти миллионов экземпляров».

В армии была сразу проведена чистка комсостава (по данным Деникина, за первые недели было уволено около половины действующих генералов).

Разрушение государства и армии генерирует общности террористов (в том числе изуверов). Крупные масштабы этого явления возникали на излете Февральской революции, как ее «хвосты» (террор эсеров в Поволжье, Прикамье и Сибири, анархистов на Украине; см. книгу Б. Савинкова «Воспоминания террориста»).

1991. Всплеск антиэтатизма мы пережили во время перестройки и 1990-х годов. Е.Т. Гайдар так представлял историю России: «В центре этого круга всегда был громадный магнит бюрократического государства. Именно оно определяло траекторию российской истории... Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась поразному — самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название «державность». Но сущность всегда была одна — корыстный хищнический производ бюрократии, прикрытый демагогией».

А.И. Ракитов создал образ: «Ложь, клевета, преступление и т.д. оправданны и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т.е. укреплению военного могущества и расширению территории... Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о несправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях».

Профессор МГУ философ А.П. Бутенко доказывал, что государство — всегда эксплуататор «По самой своей природе бюрократия не может предоставить трудящимся свободу от угнетения и связанных с ним новых форм эксплуатации, процветающих при казарменном псевдосоциализме с его огосударствлением средств производства».

Депутат Госдумы А. Нуйкин гордился: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Поэтому мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину».

Общности террористов возникли практически сразу с перестройкой: в Средней Азии, на Кавказе и в Молдавии. Это был мощный инструмент разрушения государства и межнационального общегития. И сразу была начата дискредитация армии (см. «доклад комиссии Собчака 1989 г.»).

4. Влияние теории Маркса

Февраль. Маркс и Энгельс отвергали рабоче-крестьянскую революцию, дающую простор России для ее модернизации на собственных культурных основаниях, без повторения пути капитализма. Поэтому для западников Октябрьская революция была реакционной контрреволюцией.

Из множества воздействий на решение кадетов и социалистов главным была иррациональная вера в пророчество Маркса, облаченное в форму теории. Сам же Маркс указал, почти грубо: «В том строе общества, который мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические». То есть, его теория была прилагается только обществу индивидов, уже проваренных в котле капитализма.

1991. Утверждение, что советский строй является «неправильным», стало с 1986 г. официальной установкой. В интеллигентных кругах стали ходить цитаты Маркса такого рода: «Первое положительное упразднение частной собственности, грубый коммунизм, есть только форма проявления гнусности частной собственности».

Эта конструкция была кредо меньшевиков в 1917–1921 гг. и команды Горбачева в конце XX в. Антисоветским идеологам не пришлось ничего изобретать, все главные тезисы они взяли у К. Маркса почти буквально. Вновь стал муссироваться и старый тезис о «неправильности» русской революции «в одной стране», тем более «отсталой».

5. «Непредрешенчество»

Февраль. Вот как воспринимал Пришвин, приехавший из деревни на заседание Предпарламента, вождей либерального пути (14 сентября 1917 г.): «Мало-помалу и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые

останутся словами театра... Керенский большой человек, он кажется головой выше всех, но только если забываешь и думаешь, что сидишь в театре».

И.Г. Церетели, один из лидеров меньшевиков, так писал в своих «Воспоминаниях»: «История вряд ли знает другой такой пример, когда политические партии, получив так много доверия со стороны подавляющего большинства населения, выказали бы так мало склонности встать у власти, как это было в Февральской революции с русской социал-демократией».

1991. И тогда, и сейчас видные люди утверждают, что никакой программы действий у реформаторов не было, и поэтому страна шаг за шагом свалилась в кризис. Это нелепое оправдание, но на многих действует.

Эту концепцию задал сам Горбачев: «Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ».

Никто не просил у него педантичного ответа, спрашивали об общей цели, о векторе движения страны в переходный период. Когда спросили о программе А.Н. Яковлева, он ответил: «Интересно, как вы себе представляете «план перестройки»? Это что, перечень мероприятий, утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ? Такого плана действительно не было и быть не могло. Того, кто его предложил бы, тут же поставили бы к стенке».

А. Ципко пишет: «Нашими мыслями прежде всего двигала магия революции... Но магия катастрофизма, ожидание чуда политических перемен и чуда свободы мешали мыслить конструктивно, находить технологические решения изменения системы... Магичность и катастрофичность нашего мышления обеспечивали нам читательский успех, но в то же время мешали нам увидеть то, что мы должны были увидеть, как ученые, как граждане своей страны... Мы не знали Запада, мы страдали романтическим либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дожидаться разрушительных перемен».

Разумеется, в перестройке активизировались и сообщества, которыми «двигала не магия революции», а присвоение государственной собственности. Откровенно определил в 1990 г. задачи перестройки Г.Х. Попов: «Главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами. В проблеме этого дележа — суть перестройки, ее корень... Суть перестройки в политике — полная ликвидация Советов... Другими словами — десоветизация».

6. «Империи рассыпаются сами»

Февраль. Деятели коалиции не собирались начать конструктивный процесс, они предпочитали дворцовый переворот. Иногда их объяснения были похожи на оправдания. Так, Керенский сказал, что монархия сама распалась: «Революция — скорее, результат полного банкротства царизма, чем следствие радикальной идеологии или народного восстания». Милюков уверял: «Произошла самоликвидация старой власти», мол, «невиноватая я, он сам...». Гучков говорил, что деятели Февраля надеялись: «после того, как дикая анархия, улица, падет, после этого люди государственного опыта, государственного разума, вроде нас, будут призваны к власти. Очевидно, в воспоминание того, что... был 1848 г.: рабочие свалили, а потом какие-то разумные люди устроили власть».

В ноябре 1913 года на совещании октябристов Гучков заявил о невозможности реформировать царский режим. По его словам, «глубокий паралич государственной власти» довел до того, что у страны нет «ни государственных целей, ни широко задуманного плана, ни общей воли». Ближе к 1917 г. эсеры стали говорить, что революция будет одновременно и «демократической, и социальной, и политической». Такой состав правительства не мог принять крупное решение. Судя по многим наблюдениям очевидцев, в Учредительное собрание мало кто верил — и прежде всего, само Временное правительство. Временное правительство за всё время своего существования так и не созвало Учредительное собрание.

1991. В 1990-х гг. действовал миф, что СССР «распался сам». О Беловежском сговоре видные политики уверяли: «Не смешите меня! Не могут три человека развалить ядерную дер-жа-ву».

Б. Ельцин с трибуны 5-го Съезда народных депутатов РСФСР в октябре 1991 г. объявил: «Период движения мелкими шагами завершен. Поле для реформ разминировано... Мы переходим, наконец, к новому экономическому курсу... Хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами. А к осени 1992 г., как я обещал перед выборами, — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей... В ближайшее время начнется форсированное развитие мощного частного сектора в российской экономике... Вопросы приватизации конкретного объекта должны решаться в течение не более пяти дней».

М. Горбачев в ноябре 1991 г. продолжал с оптимизмом определять свою «однозначную позицию»: «Я за новый Союз, Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государ-

ство». Абсурдность формулы «конфедеративное государство» никого уже не трогала.

Лев Аннинский грустил: «Что делать интеллигенции? Не она разожгла костер — она лишь «сформулировала», дала поджигателям язык, нашла слова». Кредо идеологов перестройки в 80-е годы XX в. сводилось к следующему: «Советская система хозяйства улучшению не подлежит. Она неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу». В таком явном виде эта формула высказывалась лишь после 1990 г., до этого в нее бы просто не поверили — настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг себя в 70–80-е годы XX в.

А.Н. Яковлев в 2001 г. оправдывался задним числом: «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, — мы же стоим перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два».

В западной социальной философии этим утверждениям даже был присвоен термин: «ретроспективный детерминизм». Неизбежность, предсказанная задним числом!

7. Западники

Февраль. Историк С.В. Тютюкин писал так: «Идеалом кадетской интеллигенции была западная демократия и сублимированный, облагороженный, по выражению Ленина, буржуазный строй, очищенный от всех пережитков средневековья и превосходящий своей свободой и правопорядком самые смелые мечты русских капиталистов. В итоге своеобразной визитной карточкой кадетов стал интегральный европеизм и ориентация на западную политическую культуру».

Потому в России и началась мировая революция крестьянских стран, пытавшихся избежать втягивания их в периферию западного капитализма. Это было всемирно-историческим событием, как бы к нему не относиться.

Какие основания были предполагать, что Февральская революция вдруг приобретет либерально-буржуазный характер и убедит общество начать строительство капитализма? Ни каких. Тем более, начать строительство капитализма во главе с правительством, в котором господствовали социалисты, революционеры и либералы из легальных марксистов! Понятно, почему уже летом люди, независимо от политических позиций, стали подозревать, что дело неладно.

Лидером «молодых» московских капиталистов был П.П. Рябушинский. Эта группа имела большие политические амбиции. Их

проект был ясен, П.П. Рябушинский его сформулировал так: «Нам, очевидно, не миновать того пути, каким шел Запад, может быть, с небольшими отклонениями. Несомненно, одно, что в недалеком будущем выступит и возьмет в руки руководство государственной жизнью состоятельно-деятельный класс населения».

Лидер октябристов (правых) Гучков тоже изложил свои убеждения: «Я никогда не разделял взглядов старых славянофилов и не разделяю взглядов современных социалистов, которые ждали и ждут от России какого-то спасительного слова, какого-то откровения миру. Я думал, что и мы пойдем обычным путем экономического, политического и социального развития, как это делается в других странах».

Такой евроцентризм заведомо привел проект Февральской революции к фундаментальным провалам, ее вожди опирались на опыт буржуазных европейских революций, в то время, как массивные общности российского населения имели ряд мировоззренческих представлений, принципиально отличных от европейских. Прогноз процесса был у вождей Февраля ошибочным по ряду главных пунктов. Первый пункт — непонимание интересов, ценностей и образа будущего подавляющего большинства населения России и, прежде всего, русского народа — конкретно, в первой трети XX века.

1991. Большинство тех, кто причисляет себя к «шестидесятникам», постепенно, шаг за шагом сдвинулись к антисоветской позиции. Более того, в конце 1970-х годов у них стали проявляться прозападные установки, причем именно в контексте холодной войны Запада против СССР. Они все больше и больше становились в этой войне «союзниками Запада». К концу перестройки это стало обязательным для «прогрессивного интеллигента». Г.С. Батыгин пишет: «Одним из маркеров альтернативной интеллектуально-культурной «элитности» в 1990-е годы являлась «признанность на Западе», и сама позиция репрезентанта «западных» ценностей позволяла создать новое измерение социального статуса в российском интеллектуальном сообществе».

Люди старшего поколения помнят еще «самиздат» — издание идеологической продукции диссидентов. Но его влияние нельзя верно оценить, если не учесть, что почти все его материалы к тому же зачитывались по радио, а «голоса» слушала значительная часть интеллигенции. В СССР индустрия «самиздата» расцвела в 60-е годы, и к 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов.

В марте 1990 г. Т.И. Заславская представила в АН СССР программный доклад: «Единственно разумной политикой является

последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополитической системы в целях ее замены более эффективной системой «социального капитализма», сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся... Такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и «социализированному «капитализму».

8. Мышление: игнорирование реальности

Февраль. Кадеты имели привилегию получать консультации непосредственно от Макса Вебера. Его труды о русской революции («русские штудии») в наш научный оборот ввел А.С. Кустарев (А. Донде) — историк и политолог.

Он пишет: «В 1905 году началась русская революция. Макс Вебер одним из первых понял, насколько происходящее в России важно для мировой истории. Он бросил все свои занятия и занялся Россией. Стремительно выучил русский язык, вошел в контакт со своими русскими коллегами — среди них виднейшие русские либералы Петр Струве и Кистяковский, экономисты-статистики Кауфман и Святловский и др. — и написал две работы... В сущности, две книги. Переизданные вместе в 1990 году в полном собрании сочинений Вебера, они занимают том объемом около 750 страниц. И сегодня этот труд представляет собой самый большой компендиум хронографических, статистических и морфологических деталей, дающих вместе общую характеристику состояния российского общества на 1904 - 1906 год».

Прежде всего, Вебер указал на очень важные изменения капитализма начала XX века. Для ортодоксальных марксистов и либералов обычным было считать, что русская революция произошла «слишком рано» — не созрели для нее еще предпосылки, слаба была буржуазия, не созрела почва для демократии. Это представление устарело, оно не учитывает фазу «жизненного цикла» всей капиталистической формации, прежде всего Запада, следовать которому пытались и либералы, и меньшевики.

Изучая события в России, М. Вебер приходит к гораздо более сложному и фундаментальному выводу: «слишком поздно!». Он утверждал, что успешная буржуазная революция в России уже невозможна. И дело было, не только в том, что в крестьянстве господствовала идеология «архаического аграрного коммунизма», несовмести-

мого с буржуазно-либеральным общественным устройством. Главное было в том, что российская буржуазия оформилась как класс в то время, когда Запад уже заканчивал буржуазно-демократическую модернизацию и исчерпал свой освободительный потенциал. Вебер считал, что буржуазная революция может быть совершена только «юной» буржуазией, но эта юность неповторима. Россия в начале XX века уже не могла быть изолирована от «зрелого» западного капитализма, который утратил свой оптимистический революционный заряд и занимается организацией дополняющей экономики на периферии Запада.

Надо удивляться, что к сходным выводам Вебер и Ленин пришли, исходя из разных философских посылок.

Вебер указывал, что при капиталистической реформе села идеи архаического крестьянского коммунизма будут распространяться в сочетании с идеями современного социализма. Так оно и произошло в ходе становления большевизма. Он указал особенность российского общества и государства, важную и для либералов, и буржуазии: «Власть делала все возможное, в течение столетий и в последнее время, чтобы еще больше укрепить коммунистические настроения. Представление, что земельная собственность подлечит суверенному распоряжению государственной власти (искоренявшей, кстати, частное право на всякое другое «нажитое» добро), было глубоко укоренено исторически еще в московском государстве, так же как и община».

Кустарев поясняет: «Если это так, то негативное отношение власти и ее подданных к частной собственности не было привнесено в русское общество большевиками, на чем так упорно настаивали и сами большевики, и антикоммунистическое обыденное сознание, имеющее очень хорошо оформленную «академическую» ипостась. Можно думать, что эта особенность есть типологический определитель «русской системы», а не свидетельство ее «формационной» или «цивилизационной» отсталости».

Вебер предполагал, что крах царского режима на фоне усиления «коммунистических настроений» может привести «к чему-то совершенно небывалому, но к чему именно — предвидеть невозможно». Крах царского режима привел к СССР, а не к западному капитализму. Ничего этого интеллектуалы Февраля не учли.

1991. Доктрина реформ противоречила знанию, накопленному даже в рамках либерализма! В 1991 году к М.С. Горбачеву обратилась с «Открытым письмом» группа из 30 американских экономистов (включая трех лауреатов Нобелевской премии по экономике — Ф. Модильяни, Дж. Тобина и Р. Солоу; еще один, У. Викри, стал нобелевским лауреатом в 1995 году). Они

предупреждали, что для успеха реформ надо сохранить землю и другие природные ресурсы в общественной собственности. Виднейшие западные экономисты видели разрушительный характер доктрины российских реформ и пытались предотвратить тяжелые последствия. Однако на их письмо просто не обратили внимания.

Дж. Гэлбрейт побывал в Москве и беседовал с нашими экономистами и сказал об их планах: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить».

В 1992 г. группа ведущих иностранных экспертов под руководством М. Кастельса провела интенсивные дискуссии с членами Правительства РФ и экспертами. После отъезда они составили доклад Правительству России. Там сказано: «Создание эффективной рыночной экономики принципиально отличается от простой задачи передачи прав собственности от государства и старой номенклатуры к успешным частным управляющим... Культура куда важнее масштабов приватизации...»

В настоящий момент все они [новые собственники] так или иначе демонстрируют паразитическое поведение, их действия носят не инвестиционный, а спекулятивный характер... Такая ситуация характерна скорее не для зарождающегося, а для вырождающегося капитализма. Фактически идет процесс передела накопленной собственности, а не создание нового богатства...

Резюмируя все сказанное, мы утверждаем, что существующая концепция массовой приватизации является главной ошибкой, которую Россия может совершить в ближайший год реформ».

9. Цивилизационный конфликт

Февраль. Главным противоречием, породившим русскую революцию, марксисты в то время считали сопротивление прогрессивному капитализму со стороны традиционных укладов (под ними понимались община, крепостничество — в общем, «азиатчина»). Исходом революции в любом случае будет «чисто капиталистическое» хозяйство. Трудящиеся, якобы, заинтересованы лишь в том, чтобы это произошло быстрее, чтобы революция пошла по радикальному пути, по пути превращения крестьян в фермеров и рабочих («американский путь»).

То есть, считалось, что вся сельская Россия в принципе станет капиталистической, и на это нацелена русская революция. Напротив, народники и А.Н. Энгельс-гардт в своих «Письмах из деревни» (1880-е гг.) старались показать, что это невозможно, причем именно в принципе, по непреодолимым причинам. Структура капиталистического уклада в фазе империализма создает на периферии анклавы современного производства, окруженные массой хозяйств, ведущих натуральное или полунатуральное хозяйство. Для Маркса социалистическая революция становится оправданной лишь после того, как капитализм довел до конца разрушение прежних укладов (прежде всего, крестьянской общины).

В Грузии руководил меньшевик Жордания, член ЦК РСДРП, к власти пришло социалистическое правительство. И оно вело войну против большевиков. Жордания объяснил: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!»

1991. Идеологи революции 1980-90-х годов доказывали, что Россия не является ни самостоятельной цивилизацией, ни частью иной цивилизации, она выпала из мирового цивилизационного развития и осталась в состоянии варварства.

А.Н. Яков-лев писал: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности... Частная собственность — материя и дух цивилизации... На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы».

Другая версия: Россия была и есть часть Запада, но слегка отклонилась от «столбовой дороги», и теперь надо прилежно учиться у Запада, чтобы наверстать упущенное за 70 лет — «русские не хуже и не лучше Запада — просто потому, что русские и есть Запад». Есть такая формула: «Россия не Евразия, она принадлежит Европе и не может служить мостом между Европой и Азией, Евразией была Российская империя, а не Россия».

10. Иллюзии

Февраль. Кадеты приветствовали Февральскую революцию как общенациональную: «Она есть революция национальная, революция всенародная, т.е. она объединяет в себе все классы и все общественные группы и ставит перед собой задачи, которые должен осуществить весь народ, которые только весь народ и осуществить».

Это нелепое заявление: как могло общество, раздираемое многими противоречиями совершить катастрофическую революцию! Всем было очевидно, что эта революция — эпизод в огромном процессе, в котором «все классы и все общественные группы ставит перед собой задачи» вовсе не одинаковые, а даже антагонистические.

Подавляющее большинство населения ждало, что революция наконец-то разрешит конфликты. Для этого требовался общественный договор — о социальных и политических правах, но Временное правительство, объявив непредрешенчество, потеряло социальную базу. В.М. Чернов пишет о кадетах, меньшевиках и эсерах: «Над всеми над ними тяготела, часто обеспоживая их работу, одна старая и, на мой взгляд, устаревшая догма. Она гласила, что русская революция обречена быть революцией чисто буржуазной и что всякая попытка выйти за эти естественные и неизбежные рамки будет вредной авантюрой... Соглашались на все, только бы не переобременить плеч трудовой социалистической демократии противоестественной ответственностью за власть, которой догма велит оставаться чужой, буржуазной».

1991. Лозунгом перестройки, в числе других, было «Вернуться в лоно цивилизации!» 4 мая 1992 г. в РАН провели заседание, участники которого «исходили из неизбежности перехода России к рыночной экономике, ... сочетать достоинства и исключать недостатки капитализма и социализма... Нужно поработать над тем, как идею конвергенции облечь в приемлемые для всех народов и наций страны одежды».

Группа ведущих экономистов и философов выпустила в 2001 г. книгу «Наука и власть», о которой сказано: «Тенденции развития общества ведут к тому, что в будущем обществе возникает качественно новый синтез ценностей капитализма и социализма. Об этом пишут в рецензируемой книге почти все авторы... Отсюда можно сделать вывод о том, что в на-стоящее время возникают условия для создания новой идеологии, в которой будет осуществлен синтез прагматических — осуществимых (а не утопических) идеалов либеральной (буржуазной) и социалистической (пролетарской) и других современных, охватывающих большие слои населения идеологий».

Заключение

Лидер «молодых» представителей либерально-буржуазного общества П.П. Рябушинский в 1920 г. так объяснил причины их поражения: «Многие из нас давно предчувствовали катастрофу, которая

теперь потрясает всю Европу, мы понимали роковую неизбежность внутреннего потрясения в России, но мы ошиблись в оценке размаха событий и их глубины и вместе с нами ошибся весь мир. Русская буржуазия, численно слабая, не в состоянии была выступить той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути... Вся обстановка прошлого не способствовала нашему объединению, и в наступивший роковой момент стихийная волна жизни перекатилась через всех нас, смяла, размела и разбила».

А интеллектуалы-кадеты видели главную причину своего поражения в недостаточной укорененности либерализма на русской национальной почве. Действительно, почва России в начале XX века была неблагоприятна для либеральной системы. Что ж, такая уж была русская национальная почва! Да и сейчас почва негодна, люди пытаются перетерпеть.

Деятельность вождей и интеллектуалов Февральской революции служит нам ценным уроком, которого мы только-только начинаем изучать. Много опытных и беспристрастных ученых и наблюдателей в России и на Западе предупреждали либералов и социалистов о глубоких ошибках в их прогнозах и решениях. Почему они не вняли предупреждениям? В то время социология уже начала осваивать типологию культуры, мировоззрения, экономики народов разных цивилизаций.

Но даже и здравый смысл подсказывал, что культура и шкала ценностей большинства населения России сильно отличались от западных. Видно было, что проектировать революции и даже реформы, повторяя опыт западных культур, нельзя. Даже и на Западе революции, не были стереотипными.

В драматических условиях, но благодаря организующему действию большевиков, Советам удалось придти к власти на волне самой Февральской революции. Это сохранило много жизней, пока люди находились в ситуации выбора, но уже угас оптимизм и надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства — крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской — вторая без первой не состоялась бы.

Каков же был объективный смысл Февраля? Действия коалиции и затем Временного правительства консультировали посольства Антанты (например, даже в организации судьбы царя). Они обещали большие ресурсы для гражданской войны белым и активно организовали интервенцию — а потом их бросили. Россия была разрушена, а лидеры Февраля в эмиграции стали думать: что же они устроили и что надо было Западу? Вероятно, подумали, что Западу надо было надолго ослабить Россию и растащить империю. Бан-

ки и современные отрасли у западного капитала, все утрясется. Главное, убрать монархию, которая пыталась вырваться из ловушки периферийного капитализма — государство строило железные дороги, казенные заводы, разрабатывало пятилетние планы народного хозяйства. Для всего этого остановить, устроили революцию, но с непредрежденчеством, без проектов и решений.

Но затем массы населения эту недееспособную революцию задавили и вернулись на свою траекторию, не слишком изменив вектор России к «благой жизни». Возник СССР с огромным потенциалом. Западные стратеги и мыслители изучали этот опыт, все этнические конфликты и войны, особенно опыт фашизма, который наладил технологии выращивать в инкубаторах общности с мессианскими разрушительными проектами и «цветные» революции с разными сценариями, согласно культурам и актуальном состоянии мировоззрения и рациональности.

Сейчас мы знаем, что советское обществоведение не справилось со своей функцией, сознание послевоенных поколений деформировали застой и устаревшая идеология. В 1980-х гг. население и интеллигенция СССР были готовы пойти за дудочкой крысолова куда угодно. Бригаде крысолова дали методичку, проверенную на опыте Февральского «Майдана». Опять с непредрежденчеством и без конструктивных проектов. Все разграбить, контузить население, загнать в невежество и аутизм — а потом все наладится под крылом гегемона. Мы видим, как хиреют многие постсоветские республики, но Россия, похоже, до этого не дозрела.

Третьего «Февраля» наверняка не будет, а какие спектакли еще нам покажут, мы не знаем, но очень может быть, нам покажут триллер. Поскольку рефлексию и анализ от нас отключили, уповаем на традиции и сочувствие высших сил.